

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЭЗИИ МИГЕЛЯ ДЕ УНАМУНО В КОНТЕКСТЕ ПРЕДЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Т.К. Жорж

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу значимости лирического наследия выдающегося испанского писателя и философа Мигеля де Унамуно (1864–1936), центральной фигуры «поколения 98 года». Непреходящая ценность творчества Унамуно обусловлена его глубокой философской насыщенностью и обращением к сохраняющим свою актуальность в современности универсальным экзистенциальным проблемам, что дает возможность использовать его поэтику противоречия для развития у учащихся, помимо навыков перевода с иностранного (испанского) языка, также критического мышления, диалектического анализа и интроспекции. Лирика Унамуно нами рассматривается в контексте предэкзистенциализма — специфической фазы литературной эволюции, где экзистенциальная проблематика становится доминирующей, но при этом сохраняется рационально-этическая аксиологическая установка [1].

Ключевые слова: экзистенциальная тревога, поэтика противоречия, философская лирика, антропоцентризм, автопсихологичность

Для цитирования: Жорж Т.К. Актуальность поэзии Мигеля де Унамуно в контексте предэкзистенциального дискурса // Преподаватель XXI век. 2026. № 2. Часть 2. С. 399–408. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-399-408

399

RELEVANCE OF MIGUEL DE UNAMUNO'S POETRY IN THE CONTEXT OF PRE-EXISTENTIALIST DISCOURSE

T.K. George

Abstract. The article addresses the question of actualizing the significance of the lyrical legacy of the eminent Spanish writer and philosopher, Miguel de Unamuno (1864–1936), a central figure of the “Generation of '98”. The enduring value of Unamuno's work is predicated upon its profound philosophical depth and its focus on universal existential problems that remain relevant in contemporary life. This value lies in the possibility of utilizing his poetics of contradiction to foster students' critical thinking,

© Жорж Т.К., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

dialectical analysis, and introspection, alongside the development of translations skills from a foreign (Spanish) language. Unamuno's lyrical poetry is examined here within the context of pre-existentialism — a specific phase of literary evolution where existential themes become dominant, yet a rational and ethical axiological framework is still maintained [1].

Keywords: *existential anguish, poetics of contradiction, philosophical lyrics, anthropocentrism, autopsychological focus*

Cite as: George T.K. Relevance of Miguel de Unamuno's Poetry in the Context of Pre-Existentialist Discourse. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 2, part 2, pp. 399–408. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-399-408

1. Актуальность поэтического наследия Мигеля де Унамуно

Мигель де Унамуно, будучи одной из наиболее культовых и влиятельных фигур испанской литературы XX в., оставил богатое наследие, включающее романы, эссе, театральные пьесы и поэзию. Его поэтические произведения неизменно актуальны, поскольку напрямую обращаются к фундаментальным вопросам человеческого существования. Цель данной статьи — систематизировать на примере лирики ключевые аспекты творчества Унамуно, определяющие его значимость как инструмента гуманистического образования и развития личности.

Значимость поэзии обуславливается не только эстетическими качествами, но и тем, что она служит лирическим выражением предэкзистенциальной философии Унамуно, испытавшего влияние рационализма и позитивизма, а также идей Л. Толстого и Шопенгауэра.

В своих стихах Унамуно, чья жизнь и творчество были тесно связаны, исследовал глубины человеческой души. Лирика, проникнутая интенсивной эмоциональностью и глубокой рефлексией, является прямым отражением авторского философского мировоззрения, характеризующегося неустанным сомнением и поиском смысла в неопределенном мире. Центральные темы поэзии — борьба между верой и сомнением, разумом и страстью, жизнью и смертью — отражают внутренний конфликт, который остается ключевым для современного человека. Стиль Унамуно, сочетание парадоксов, иронии и метафоры, а также эксперименты с формой — все это создает уникальный лирический язык, который выступает инструментом освобождения и передачи сокровенной истины. В результате поэзия Унамуно, несмотря на специфическую философскую нагруженность, сохраняет бессмертную актуальность, приглашая читателя к глубокому самопознанию.

2. Экзистенциальный конфликт как источник вечной актуальности

Лирика Унамуно глубоко погружена в экзистенциальное мышление. Интеллектуал-нонконформист, он сделал полемику формой поиска, постоянно выражая противоречия и конфликты человеческого мира, противопоставляя разум и эмоцию, веру и сомнение, жизнь и смерть. Эта внутренняя борьба (*lucha interna*), переживаемая лирическим субъектом, универсальна.

Экзистенциальная значимость поэзии Унамуно определяется неизбывным внутренним конфликтом и тревогой (*angustia*) при столкновении с фундаментальными вопросами бытия, такими как смерть и бессмертие. Унамуно часто думал о смерти как о конце, но одновременно признавал необходимость идеи бессмертия, дающего смысл существованию. Например, эта двойственность просматривается в стихотворении «Агония уходящего» (*La agonía del que se va*) в процессе исследования феномена конечности человеческого бытия. В другом программном стихотворении «К моему стервятнику» (*A mi buitre*) Унамуно использует аллгорию для выражения внутренней борьбы с сжигающей его мыслью (стервятник):

Este buitre voraz de ceño torvo
que me devora las entrañas fiero. [2, с. 91]

Этот хищный стервятник со свирепым видом,
что терзает мою плоть жестоко¹.

Мысль описывается как «постоянный спутник» (*constante compañero*), терзающий «кривым клювом». Этот образ неутолимого внутреннего самоанализа и разъедающей человека тревоги является чрезвычайно жизненным в современную эпоху, характеризующуюся повышенным уровнем психологической нагрузки и экзистенциальной тревоги (*angustia*). Поэтическое отражение внутренней борьбы помогает читателю осознать и вербализовать собственные скрытые конфликты.

Необходимо подчеркнуть, что творчество Унамуно отражает эпоху мировоззренческих кризисов рубежа XIX–XX вв., которая вызвала трансформацию эстетических ожиданий и потребность в обновлении поэтических средств. Обращаясь к этой «эпохе крушения», Унамуно выразил чувства стыда и смятения «поколения катастрофы» и обнаружил тупиковость исторического момента.

Данный пример уместен для анализа литературной аллгории и философской лирики. Он позволяет анализировать, как литературный образ (стервятник) становится воплощением философских идей (самопознание, воля, страдание в духе Шопенгауэра), развивая навыки глубокого, небуквального толкования текста. Изучение и перевод текстов, допускающих множественность интерпретаций, позволяет понять диалектический процесс перехода и осмыслить историко-культурную ситуацию, в которой антропоцентризм пришел на смену теоцентризму.

Особое внимание Унамуно уделяет поиску позитивного смысла существования в ситуации тоски по утраченной идее божественного, таким образом, этический идеал сохраняется, кризис не всегда ведет в бездну, но может стать путем к возрождению и обновлению.

3. Тематическая универсальность и доминанты

Поэзия Унамуно обретает категорию универсальности благодаря обращению к классическим вечно значимым темам.

3.1. Диалектика веры и разума (агония)

Вопрос религии занимает фундаментальное место в поэзии Унамуно. Он исследует тему поиска Бога и использует фигуру Бога в качестве собеседника и ориентира, который пробуждает сомнения, тревоги и желания. Задаваясь вопросом о существовании

¹ Здесь и далее перевод наш. — Т.Ж.

Бога, поэт ощущает неопределенность, что отражается в произведениях как глубокая тоска пред «молчащим» Богом.

Ярким примером духовной борьбы является стихотворение «Молитва атеиста» (*La oración del ateo*), где поэт обращается — и в этом парадоксальность — к отсутствующей сущности:

Oye mi ruego Tú, Dios que no existes,
y en tu nada recoge estas mis quejas...

Услышь мою мольбу Ты, Бог, которого нет,
и в Свое ничто прими эти жалобы мои...

¡Qué grande eres, mi Dios! Eres tan grande
que no eres sino Idea... [2, с. 45]

Как Ты велик, мой Бог! Ты так велик,
что являешься всего лишь Идеей...

В строках выражается кризис веры и поиск личной, а не догматической духовности, что чрезвычайно актуально в плюралистическом и секуляризирующемся мире. Парадокс «Бога, которого нет» позволяет современному человеку, не обязательно религиозному, честно и глубоко рефлексировать о метафизическом.

Центральная ценность Унамуно заключена в его концепции «агонии» (мучительной постоянной борьбы), которая выражается в трагическом чувстве жизни. Лирический субъект, «агонист», переживает внутренний имманентно непримиримый конфликт. Эта борьба между рационалистической убежденностью в конечности и безысходной жаждой вечности служит примером для развития диалектического анализа. Поэзия Унамуно, которая, по его словам, ищет истину и подлинность, призывает читателя поставить под сомнение свои самые укоренившиеся убеждения, что является основой критического мышления. Данный текст является релевантным материалом для развития не только лингвистических навыков чтения с последующим переводом и интерпретацией, но и диалектического и критического мышления. Он используется для демонстрации литературного приема парадокса как средства выражения философской истины, а также для обсуждения таких тем, как личная вера против общественных догм в курсах этики и литературы.

3.2. Солипсизм, одиночество и поиск самости

В поэзии Унамуно присутствует состояние одиночества (*la soledad*) и внутреннего изгнания (*el exilio interior*). Он размышляет об отчуждении, об индивидуалистической природе человека, даже «среди толпы», что приводит к ощущению отстраненности и ностальгии.

Эта тема тесно связана с призывом к самопознанию, но в разумных пределах дозволенного. Так, в стихотворении «Наш секрет» (*Nuestro secreto*) призыв к интроспекции сочетается с установлением ее пределов:

Conócete, mortal, mas no del todo. [2, с. 15]

Познай себя, смертный, но не до конца.

В эпоху, когда самокопание и нарциссизм могут стать парализующим началом, призыв «познать себя, но не до конца» выступает как актуальный психологический ориентир, предостерегающий от вторжения в запретный уголок души и разрушительного солипсизма.

В сонете «Общая боль» (*Dolor común*) Унамуно предлагает этический выход из одиночества через обращение к общечеловеческому:

Solitario y carnal es siempre vano;
sólo el dolor común nos santifica. [2, с. 103]

Одинокая и плотская [боль] всегда тщетна;
лишь общая человеческая боль нас освящает.

Эта идея социальной и этической трансформации страдания особенно актуальна в контексте глобальных кризисов. Она подчеркивает важность эмпатии и коллективного действия над индивидуалистическим эгоизмом.

Таким образом, в творчестве Унамуно доминируют лейтмотивы отчуждения и ухода, а также одиночество как базовая характеристика мировосприятия. Изучение этих мотивов позволяет осмыслить ситуацию отчуждения человека в современном мире и его «экзистенциальный вакуум». Вышеприведенные фрагменты служат отличной основой для занятий по лингвистике, теории и практике перевода, а также этике и психологии в литературе. Они позволяют обсуждать процесс формирования идентичности, моральный рост через страдание и переход от личной тревоги к общечеловеческой солидарности, что является ключевым элементом гражданского и эмоционального воспитания. Унамуно, как и его предшественник Кьеркегор [3; 4], подчеркивал, что человек движим метафизическим страхом-тоской перед конечностью. Это приводит к необходимости свободного выбора. В его произведениях личность обретает бытие и свободу только через достижение экзистенции. Анализ такого права на самоутверждение в поступке в условиях абсолютной ценности индивидуального «я» в контексте моральных «правил» развивает способность к этическому суждению и осознанному принятию решений.

3.3. Антропоцентризм

Отдельно представляется важным выделить, что Унамуно сделал личность и идею Человека центром вселенной. Его произведения, центрированные вокруг автопсихологического субъекта [5], устанавливают прямую и открытую связь между нравственной проблематикой автора и проблематикой его героя, что приводит к психологической и этической документальности художественного высказывания.

Категория автопсихологичности учит видеть взаимосвязь между личным опытом, внутренним миром и творчеством. Произведения Унамуно — это лиризованная проза, где сюжет и второстепенные персонажи лишь акцентируют философскую мысль автора. Такой подход тренирует интроспективный анализ и понимание того, как личный авторский опыт, сплавленный в художественный опыт персонажа, приобретает общечеловеческую значимость. Таким образом, тексты М. де Унамуно, транслирующие идею неразрывной связи с установкой на мораль и антропоцентризм, становятся незаменимым материалом для самопознания и формирования этической и гуманистической рефлексии.

4. Эстетические особенности:

литературно-эстетический синтез и поэтика противоречия

Ценность творчества М. де Унамуно в сфере формы заключается в создании своеобразного диффузного и амальгамного художественного стиля, балансировании на грани реализма, модернизма и экзистенциализма, создании феномена синтеза

разных направлений с эстетической, зачастую игровой, доминантой на философской основе [6].

Этот методический синкретизм требует использования комплексного подхода к анализу текста, владение приемами компаративистики и историко-функционального анализа. Новаторство в области формы и языка, а также трансформирование жанровых канонов (например, создание «ниволы» или «румана») учит, что идея есть не мотивация и инструмент создания художественного объекта, но конечный художественный объект. Анализ «ниволы» ведет к пониманию, что художественное произведение есть плод взаимодействия реальности, литературы и индивида.

Лирика и проза Унамуну характеризуются поэтикой художественного эксперимента эмоционального воздействия, усиленной суггестивностью, достигаемой через лейтмотивность, повторы, игру слов и окказионализмы. Используя поэзию как средство эмоционального выражения и способ канализации своих наиболее интенсивных чувств, Унамуну экспериментирует с различными поэтическими формами и структурами, включая сонеты и свободные стихи. Его стиль отличался повышенной метафоричностью, активным использованием категорий парадоксального и «невыразимого» (*lo insondable*), избытием авторских окказионализмов и многозначных символов.

Например, море (*el mar*) символизирует бесконечность, неведомое, борьбу человека за поиск смысла посреди неопределенности. В стихотворении «Скажи мне, что ты говоришь, море!» (*¡Dime qué dices, mar!*) Унамуну использует парадокс невыразимого, связывая символ с экзистенциальным «тайным секретом»:

¡Dime qué dices, mar, qué dices, dime! /
Pero no me lo digas;

Скажи мне, что ты говоришь, море, скажи мне! /
Но не говори мне этого;

...el secreto secreto nos oprime. [7, с. 207]

...тайный секрет нас угнетает.

Этот отрывок прекрасно иллюстрирует актуальный в современном искусстве и философии принцип: самая глубокая истина часто остается невыразимой, лежащей за пределами языка, что учит ценить молчание и тайну в мире, который требует постоянной вербализации. Пример «море» — «тайный секрет» релевантен для изучения символизма и риторических фигур (анафора, парадокс), т. к. помогает понять, как поэт передает экзистенциальную неопределенность и «невыразимое» через форму, что является важным навыком в анализе модернистской и философской поэзии. Разбор этих приемов способствует пониманию процесса передачи глубинного авторского ощущения, его внутренне постигаемой сокровенной, невыразимой сути.

Кроме того, видится ценной возможность исследовать уникальный иронический ракурс Унамуну со свойственным ему специфическим восприятием бытия в его дуальности, несовпадении внешнего видимого и подлинного сущностного. Идентификация иронии и парадокса (как в его румане «Любовь и педагогика») учит распознавать сложные риторические стратегии и развивает чувство юмора, направленное на преодоление абсурда.

Поэтика парадоксов и противоречий может быть наглядно продемонстрирована при сравнительном анализе двух программных стихотворений Мигеля де Унамуну: «Id con Dios» («Идите с Богом») и уже упоминавшегося ранее «La oración de un

ateo» («Молитва атеиста»), демонстрирующем фокусировку поэта на темах религии, веры и атеизма. Но если «Id con Dios» (1907) пронизано религиозными чувствами, поэт предстает пылким верующим, Богу он вручает и поручает свое творчество, миссию стихов — бороться за «вечную жизнь» и отвечать перед Богом, ибо их происхождение божественно:

Íos con Dios, corred con Dios al mundo,
desparramad por él vuestro misterio,
y que al morir, en mi postrer jornada
me forméis, cual calzada, mi sendero,
el de ir y no volver, el que me lleve
a perderme por fin, en aquel seno
de que a mi alma vinieron vuestras almas,
a anegarme en el fondo del silencio.
Id con Dios, cantos míos, y Dios quiera
que el calor que sacasteis de mi pecho,
si el frío de la noche os lo robara,
lo recobréis en corazón abierto
donde podáis posar al dulce abrigo
para otra vez alzar, de día, el vuelo.
Íos con Dios, heraldos de esperanzas
vestidas del verdor de mis recuerdos,
íos con Dios y que su soplo os lleve
a tomar en lo eterno, por fin, puerto. [8, с. 65–66]

Идите с Богом, мчитесь с Богом в мир,
И тайну вашу по нему разлейте,
И пусть, когда придет мой час кончины,
Вы мне дорогу вымостите, путь,
Тот, что уносит, но уже не возвращает,
Который приведет меня, теряясь,
В то лоно, из которого явились
Ваши же души в душу мне,
Чтоб в глубине молчания исчезнуть.
Идите с Богом, песни, и дай Бог,
Тот жар, что извлекли вы из груди моей,
Коль холод ночи вдруг его похитит,
Вы обрели бы вновь в открытом сердце,
Где сможете вы приютиться сладко,
Чтобы опять взлететь с приходом дня.
Идите с Богом, вестники надежд,
Одетые в зеленый цвет моих воспоминаний,
Идите с Богом, пусть Его дыхание вас несет,
Чтоб, наконец, найти причал в просторе вечном.

то в сонете «La oración de un ateo» (1911), в отличие от «Id con Dios», выражаются настроения скорее антирелигиозные. Стихотворение, будучи по форме «молитвой», создает парадокс при обращении к Богу «отсутствующему и несуществующему». Ключевой тезис сонета заключается в том, что Бог — не реальное существо, а человеческая Идея:

¡Qué grande eres, mi Dios! Eres tan grande
que no eres sino Idea; es muy angosta
la realidad por mucho que se expande
para abarcarte. Sufro yo a tu costa,
Dios no existente, pues si Tú existieras
existiría yo también de veras. [2, с. 45]

Как велик Ты, мой Бог! Ты так велик,
что Ты не более, чем Идея; очень узка
реальность, как бы она ни расширялась,
чтобы охватить Тебя. Страдаю я из-за Тебя,
несуществующий Бог, ибо если бы Ты существовал,
существовал бы и я по-настоящему.

Сравнивая эти стихотворения, подчеркнем, что парадоксальность заключается в том, что, хотя на первый взгляд «Id con Dios» и «La oración de un ateo» кажутся противоречащими друг другу (религиозное и антирелигиозное), они на самом деле являются двумя сторонами единого лирического подхода. Унамуно к его жизненным сомнениям, демонстрируют диалектическое напряжение, отражают постоянную борьбу-агонию (agonía) в душе философа-поэта, который стремился найти золотую середину между верой и разумом. И если в «Id con Dios» божественное слово поэта

является надеждой на вечное спасение через творчество, то в «La oración de un ateo» слово используется для выражения страдания перед лицом Бога как недостижимой Идеи. В обоих случаях слово служит актом исповеди и мощным инструментом, который освобождает внутреннюю жизнь духа, даже если это происходит через парадокс или в борьбе с недостаточностью языка.

Если обратиться к формальной стороне вопроса, то и здесь мы увидим противоположенность. Унамуно писал «Id con Dios» в период, который он сам называл временем осенних цветов (*flores de otoño*), когда он стремился освободиться от навязанных метрических правил (*oído preceptivo*). Вследствие этого стихотворение представляет собой пример свободных комбинаций стихов, с использованием одиннадцатисложных, семисложных и пятисложных строк, ассонансов и даже переменных консонансов — в тексте отражается постоянная борьба Унамуно за ритм, поскольку поэт оплакивает стихи, которые не смогли воплотиться в жизнь из-за недостатка формы:

¡Cuántos en el primer vagido endeble
faltos de aire, de ritmo se murieron!

Сколько их умерло в первом слабом крике
из-за недостатка воздуха, недостатка ритма!

В отличие от метрически свободной структуры «Id con Dios», «La oración de un ateo» написано в строгой форме сонета, который Унамуно рассматривал как форму полноты (*forma de plenitud*), требующую драматической борьбы, дабы заполнить слова смыслом (*preñar las palabras de significado*) и позволявшую достигать плотного (*denso*) выражения. Ключевым лингвистическим приемом здесь является парадокс — способ, который Унамуно считал самым живым и наиболее эффективным способом передачи истины.

Сравнительный анализ показывает, подчеркнем еще раз, что эти произведения, на первый взгляд противоречивые, являются двумя сторонами единой агонистической (от греч. *agonía* — борьба) борьбы Унамуно за истину.

«Id con Dios» — это надежда на вечность, обретаемая через творчество, которое имеет божественное происхождение, «La oración de un ateo» — это страдание и осознание того, что Бог, если Он и существует, то лишь как недостижимая Идея, что ставит под вопрос собственное подлинное существование поэта.

Оба стихотворения служат актами исповеди (*confesión*), освобождающими внутреннюю жизнь духа, даже если это происходит через напряженность парадокса и борьбу с недостаточностью языка.

5. Заключение

Лирика Мигеля де Унамуно сохраняет свою бессмертную актуальность благодаря глубокому слиянию философии и эстетики. Его стихи являются откровением экзистенциального сознания, которое не боится конфронтации с фундаментальными человеческими проблемами: смертью, верой, одиночеством и поиском аутентичности. Используя поэтику противоречия и оголенную концептуальность, Унамуно создал произведения, которые призывают ставить под сомнение свои самые укоренившиеся убеждения и с мужеством встречать экзистенциальную тревогу существования.

Ценность наследия Унамуно неоспорима, потенциал его произведений проистекает из:

- универсальности и глубины экзистенциальных конфликтов, стимулирующих критическое и диалектическое мышление;
- выраженного антропоцентризма и этической направленности, способствующих формированию моральной рефлексии и самосознания;
- новаторской когерентности поэтики и стиливого синтеза, требующих сложного эстетического анализа.

Таким образом, поэзия Унамуно, будучи интенсивной, но при этом глубоко философской, служит уникальным инструментом для развития навыков лингвистической интерпретации, а также критического и диалектического мышления, распознавания и анализа сложных экзистенциальных и этических конфликтов через лирическую форму, тем самым формируя ответственных и рефлексизирующих личностей.

Творчество Мигеля де Унамуно, будучи ключевым элементом предэкзистенциалистского сверттекста, имеет высокую ценность, поскольку оно напрямую обращается к глубинным экзистенциальным вопросам бытия. Изучение его произведений:

- развивает критическое мышление посредством анализа *агонии* (борьбы веры и разума) и *трагического мироощущения* учащиеся овладевают диалектическими методами;
- формирует этическую зрелость, т. к. его творчество — посредством категорий автопсихологичности и антропоцентризма — служит моделью для *психологической и этической документальности* и тем самым способствует осмыслению *моральной установки*;
- учит эстетическому анализу, т. к. освоение его поэтики, балансирующей *на грани реализма, модернизма и экзистенциализма*, и изучение жанровых трансформаций тренирует навыки многомерного, синтетического толкования текста.

Все вышесказанное позволяет нам заключить, что творчество Унамуно являет собой не просто литературный материал, но философский инструмент, который помогает *постигать бытие через интуитивное чувство* — «логику сердца» и формирует личность, способную к самоидентификации в контексте безграничного вневременного макрокосма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусева Т.К. Экзистенциалистские мотивы в творчестве Л. Андреева и М. Де Унамуно: типологические связи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 389 с.
2. *Unamuno Miguel de*. Rosario de sonetos líricos, Editor, Edu Robsy, 2020, 142 p.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998. 382 с.
4. Роде П.П. Серен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск: Урал, 1998. 428 с.
5. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971. 464 с.
6. Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
7. *Unamuno M. de*. Cancionero. Diario poético; edición y prólogo de F. de Onís, Buenos Aires, Losada, 1953, 486 p.
8. *Unamuno Miguel de*. Poesías. Edición de Manuel Alvar. Madrid. Ediciones Cátedra, 1977, 352 p.

REFERENCES

1. Guseva T.K. *Ekzistencialistskie motivy v tvorchestve L. Andreeva i M. de Unamuno: tipologicheskie svyazi* [Existentialist Motifs in the Works of L. Andreev and M. de Unamuno: Typological Connections], ScD dissertation (Philology), Moscow, 2014, 389 p. (in Russ.)
2. Unamuno Miguel de. *Rosario de sonetos liricos*, Editor, Edu Robsy, 2020, 142 p.
3. Kierkegaard S. *Strah i trepet* [Fear and Trembling], Moscow, Terra-Knizhnyj klub: Respublika, 1998, 382 p. (in Russ.)
4. Rode P.P. *Søren Kierkegaard sam svidetelstvuyushij o sebe i o svoej zhizni* [Søren Kierkegaard Testifying to Himself and His Life], Chelyabinsk, Ural, 1998, 428 p. (in Russ.)
5. Ginzburg L.Ya. *O psihologicheskoy proze* [On Psychological Prose], Sovetskij pisatel. Leningradskoe otdelenie, 1971, 464 p. (in Russ.)
6. Borev Yu.B. *Estetika* [Aesthetics], Moscow, Vysshaya shkola, 2002, 511 p. (in Russ.)
7. Unamuno Miguel de. *Cancionero. Diario poético*, M. de Unamuno; edición y prólogo de F. de Onís. Buenos Aires, Losada, 1953, 486 p.
8. Unamuno Miguel de. *Poesías. Edición de Manuel Alvar*, Madrid. Ediciones Cátedra, 1977, 352 p.

Жорж Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, tk.zhorzh@mpgu.edu

Tatiana K. George, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, tk.zhorzh@mpgu.edu

Статья поступила в редакцию 11.10.2025. Принята к публикации 24.11.2025

The paper was submitted 11.10.2025. Accepted for publication 24.11.2025